

Византийская модель цивилизационной интеграции сквозь призму современных дискурсов многополярности

The Byzantine model of civilizational integration in the context of modern multipolar discourse

DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-3-78-86

УДК 321.15

Получено: 18.07.2025

Одобрено: 22.08.2025

Опубликовано: 25.09.2025

Сардарян Г.Т.

Д-р полит. наук, профессор, декан факультета управления и политики, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», г. Москва
e-mail: g.t.sardaryan@inno.mgimo.ru

Sardaryan G.T.

Doctor of Political Science, Professor, Dean of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow
e-mail: g.t.sardaryan@inno.mgimo.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу империи как особой политической формы цивилизационной организации на примере Византии, в контексте современного дискурса о многополярности мировой политики. *Цель* исследования – выявить роль идеологического и ценностного ядра в обеспечении интеграционной устойчивости многонационального государства. В задачи работы входят: 1) определение взаимосвязи между понятием «цивилизация» и «империя» в политико-философской традиции; 2) рассмотрение византийской модели как синтеза универсалистской идеи «вечного Рима» и христианской миссии; 3) изучение механизмов интеграции и кризисов имперской идентичности. *Методология* исследования опирается на историко-философский анализ и сравнительный подход. В работе используются источники античных, средневековых и новоевропейских мыслителей (Полибий, Цицерон, Августин, Монтескье), а также труды по византиноведению. Привлекаются междисциплинарные методы – история идей, цивилизационный подход, институциональный анализ. *Теоретическая значимость* статьи заключается в том, что она вносит вклад в развитие цивилизационного и имперского подходов в политологии, показывая взаимосвязь между ценностным ядром и институциональной устойчивостью сложных политических систем. Анализ византийского опыта позволяет обогатить дискурс о многополярности, выявляя механизмы идеологической интеграции и их пределы в долгосрочной перспективе. *Практическая значимость* исследования состоит в том, что автор приходит к выводу об определении устойчивости имперской формы не только военной или экономической мощью, но прежде всего наличием интегрирующей идеи, обеспечивающей единство ценностных и институциональных основ. *Выводы исследования* - Византия демонстрирует высокую эффективность модели, основанной на сакрализации власти, доктрине «симфонии властей» и универсальной миссии. Однако доминирование централизованного религиозно-культурного стандарта и неспособность адаптировать его к многообразию региональных идентичностей, в сочетании с внешним

давлением и внутренними элитными конфликтами, привели к ослаблению идеологического фундамента и политической дезинтеграции.

Ключевые слова: Византия, сакрализация власти, «симфония властей», идеология, ценности, институты, многополярность.

Abstract

The article is devoted to the analysis of empire as a special political form of civilizational organization using the example of Byzantium, in the context of the modern discourse on the multipolarity of world politics. The purpose of the study is to identify the role of the ideological and value core in ensuring the integration stability of a multinational state. The objectives of the work include: 1) determining the relationship between the concepts of "civilization" and "empire" in the political and philosophical tradition; 2) considering the Byzantine model as a synthesis of the universalist idea of "eternal Rome" and the Christian mission; 3) analyzing the mechanisms of integration and crises of imperial identity. The research methodology is based on historical and philosophical analysis and a comparative approach. The work uses sources of ancient, medieval and modern European thinkers (Polybius, Cicero, Augustine, Montesquieu), as well as works on Byzantine studies. Interdisciplinary methods are involved - the history of ideas, the civilizational approach, institutional analysis. The theoretical significance of the article lies in the fact that it contributes to the development of civilizational and imperial approaches in political science, showing the relationship between the value core and institutional stability of complex political systems. The analysis of the Byzantine experience allows us to enrich the discourse on multipolarity, revealing the mechanisms of ideological integration and their limits in the long term. The practical significance of the study lies in the fact that the author comes to the conclusion that the stability of the imperial form is determined not only by military or economic power, but above all by the presence of an integrating idea that ensures the unity of value and institutional foundations. Byzantium demonstrates the high efficiency of a model based on the sacralization of power, the doctrine of the "symphony of powers" and a universal mission. However, the dominance of a centralized religious and cultural standard and the inability to adapt it to the diversity of regional identities, combined with external pressure and internal elite conflicts, led to a weakening of the ideological foundation and political disintegration.

Keywords: Byzantium, sacralization of power, "symphony of powers", ideology, values, institutions, multipolarity.

Введение

Современный этап развития мировой политики постепенно ведет к формированию консенсуса о необратимости многополярного устройства, которое, однако, понимается разными центрами силы и традициями философской мысли совершенно по-разному. Дискуссии и споры, как правило, разворачиваются вокруг критериев выделения тех или иных полюсов, с отсылками к экономическим индикаторам, военной мощи и многим другим количественным показателям.

Не отрицая значимости упомянутых факторов, представляется, тем не менее, что полюсы, в поисках которых сталкиваются точки зрения разных авторов и мыслителей, в современном мире будут сформированы не только по экономическим и военным показателям, но и значительно более глубинным и фундаментальным основаниям. Несправедливо забытая в эпоху окончания Холодной войны цивилизационная теория, казалось, безвозвратно проиграла в борьбе либеральному универсализму с его простыми решениями, одинаковыми институтами, правовым регулированием и секулярной этикой. Однако, возможно, именно простота универсализма предопределила невозможность его практической реализации в мире, со столь сложными и разнообразными ценностными системами, культурными и религиозными традициями.

Вновь обретя к себе пристальное внимание, цивилизационная теория проходит через определенную трансформацию, в которой необходимо смотреть на нее не через призму столкновения, а скорее взаимодействия совершенно разных центров, вокруг которых

объединяются различные народы. А это, в свою очередь, диктует важность изучения опыта предшествующих цивилизаций, для понимания закономерностей их зарождения, развития и упадка.

С этой точки зрения, нового взгляда требует и осмысление онтологии цивилизационного подхода. Для понимания того, что есть цивилизация, следует посмотреть на привычные понятия и сущности в новом свете. Одним из таких новых веяний могло бы стать пристальное изучение империй, как политической формы организации цивилизации.

Что у них общего? И цивилизации, и империи объединяют огромные территории и народы, часто совпадая в границах. Они обладают одним культурно-ценностным ядром, самоопределяются через высшее предназначение и стремятся к обретению максимально допустимого статуса универсального порядка устройства и ценностей для разных этносов. Ключевое различие заключается в том, что империя является политической формой попытки этой интеграции разных народов и этносов в единый строй.

Отчасти, зачатки подобного подхода можно найти у Дж.А. Тойнби, писавшего [22] об универсальных государственных формах, которые завершают развитие цивилизационного цикла. Взаимосвязь между цивилизацией и империей можно найти и у О. Шпенглера, который утверждал [12], что «мировое государство» — естественная стадия цивилизации, когда её духовный импульс выдыхается и на первый план выходит политическая форма. То же можно сказать и о С. Хантингтоне, отмечавшем, что цивилизации почти всегда находили институциональное выражение в крупных империях, которые были носителями и защитниками этого культурного кода [10].

Возвращаясь к осмыслению собственного цивилизационного происхождения, Россия непременно сталкивается с дискуссиями прошлого, когда истоки ее культуры будоражили научные дебаты западников и славянофилов. И важнейшим фактором, который нельзя обойти вниманием является религиозно-культурное и политико-философское наследие Византии, как империи, оказавшей столь значительное влияние на ценностные и институциональные основания русской государственности. Изучение опыта Константинополя, как одновременно цивилизации и имперской формы политической интеграции позволяет лучше понять, за счет чего способно сформироваться единство различных народов под властью единого центра, как на это влияет ценностная система и идеология, какие институты задействованы в их распространении, а самое главное – почему имперская идея может в определенный момент перестать функционировать?

Обзор научной литературы

Империя – это, прежде всего, форма организации государства. Можно утверждать, что наивысшая по своей сложности, потому что она способна объединять сотни народов в процессе государственного строительства вокруг общей миссии. Представлять эту миссию, как одну задачу было бы упрощением. Это, скорее, сложная система общих ценностей, идей, образа жизни, поведения, правил и норм, воплощаемых в жизнь едиными институтами. Империи возникают на основе объединяющей идеи, которая воплощается в институтах и задаёт «дух» власти. При утрате идеи институты формализуются, элиты деградируют, а народ перестаёт ассоциировать себя с государством.

Полибий считал, что как только граждане предпочитают личную выгоду общей пользе и роскошь становится целью, государство движется к упадку [8]. Цицерон, в том же ключе, говорил о государстве, как деле народа, который является не всяким соединением людей, а союзом, основанном на согласии в праве и общности интересов [11]. Схожую идею можно найти и у Тита Ливия, который связывал могущество Рима с нравственной строгостью, утраченной с приходом роскоши и упадка нравов [4].

Можно было бы утверждать, что подобные взгляды отражали этические нормы античности с ее картиной мира, однако и Аврелий Августин отражает схожую точку зрения, говоря о том, что любое земное государство рушится, если строится на любви к себе, а не

на любви к истине и Богу [1]. Монтескье связывает упадок государства с утратой духа, после которой институты перестают работать [5].

Всех упомянутых мыслителей объединяет общая убежденность в том, что за империей стоит не только военная мощь, экономический уклад и прочие важные составляющие, но в первую очередь – единая этика, которая должна быть основана на концепции общего блага и отрицании индивидуального эгоизма. Эти убеждения являются идеями, в философском смысле слова, которые цементируют связь личности, общества и государства в единый фундамент, способный противостоять внешним и внутренним вызовам.

Результаты анализа Византия, как идея

В академическом мире хорошо известна максима о том, что византийцы не знали, что они живут в Византии. В действительности, Константинополь мыслил себя не «новым» государством, а прямым продолжением Римской империи [16]. Правитель Византии именовался императором римлян. Преемственность выражалась в сохранении римского права, титулатуры, административной системы и идеологии «вечного Рима» [13]. Эта идея придавала империи легитимность в глазах подданных и внешнего мира, создавая образ исторической миссии — хранить и распространять цивилизацию, начатую в древнем Риме.

Главным отличием Рима от Константинополя стало самосознание Византии, как империи христианской миссии. После Миланского эдикта 313 г. Константина Великого империя воспринималась как творение Божьего промысла [15], призванное защищать и распространять христианскую веру. Император рассматривался как «наместник Божий», ответственный за духовное и нравственное состояние подданных. Объединение религиозного и политического измерения придавало власти сакральный характер и обосновывало её неприкосновенность [14].

В основе этой модели имперского государства лежала доктрина «симфонии властей» гармоничного взаимодействия светской (императорской) и духовной (церковной) власти, сформулированная в VI в. при императоре Юстиниане I. В ней император является защитником и покровителем Церкви, Патриарх — духовный наставник царя и народа [19]. Симфония создавала модель двуединого руководства обществом, где политическое и духовное начало не противопоставлялись, а взаимодополняли друг друга.

Империя воспринимала себя в контексте вселенскости – как «вселенную в миниатюре», универсальное государство, призванное объединить все народы в рамках единой веры и культуры [17]. Это явилось наследием как эллинизма (идея *oikoumene*), так и Рима (*universalitas*). Подобная концепция политического мессианства позволяла оправдывать территориальные расширения и ассимиляцию новых земель.

Христианство, в данном контексте, играло центральную, цементирующую роль всего византийского общества. Православие стало не просто религией, но фундаментом культуры, искусства, права и образования. Богословские споры могли становиться одновременно и политическими кризисами. Помимо обеспечения консолидации общества, христианство позволяло проводить культурные границы «своей» и «чужой» цивилизации.

Переняв концепцию «вечного города» от Рима, Византия развила ее еще глубже и наделила Константинополь статусом священного пространства, защищенного Божьим покровом, утверждая, что покровительницей города является Богородица. Столица обрела образ «центра мира» и олицетворяла божественную защищенность государства [18].

На основе перечисленных идей в Византийской империи сформировалась устойчивая система государственных и церковных институтов, которые не только обеспечивали функционирование власти, но и служили материальным воплощением византийской политической философии. Эти институты были тесно связаны с идеологическими принципами и зачастую имели сакральное обоснование.

Императорская власть в Византии была тесно связана с преемственностью от Рима. Император воспринимался, как прямой наследник римских цезарей, сохранял римские формы

титулатуры и правопреемства. При этом, он считался «помазанником Божиим», символизирующим соединение небесного и земного порядка. Император защищал и утверждал догматы веры, участвуя в созыве Вселенских соборов.

Константинопольский патриархат символизировал собой христианское мессианство и православную идентичность. Патриарх был духовным лидером империи и символом единства веры. Институт патриарха формировал религиозное направление политики, выступая контрбалансом или союзником императора. Патриарх проводил Вселенские и Поместные соборы, управлял епископатами и монастырями [20].

Сенат, хоть и обладал формальной преемственностью от Рима, сохраняя символическую функцию античного *Senatus Romanus*, выполнял скорее символическую, совещательную функцию. Его главная миссия была в олицетворении вселенскости, так как он формировал представительство провинциальной знати в столице, а также, в период кризисов, участвовал в легитимации власти.

Судебная система также сохраняла преемственность от Рима, основываясь на римском праве, однако христианская миссия государства предполагала императив адаптации законов в соответствии с христианской этикой. Гражданское право в империи реализовывалось в синтезе с каноническим.

Важную трансформацию проходили вооруженные силы, игравшие центральную роль в становлении и развитии Рима. В Византии армия обладала статусом сакрального института. Она отвечала за защиту православной веры и «священных рубежей империи». Важной функцией имперского строительства армии была интеграция различных народов посредством военной службы под единым символическим знаменем [23].

Идеология Византии распространялась посредством, в действительности, многослойной сети институтов. Административный аппарат опирался на систему тем, которая обеспечивала присутствие императорской власти в каждом регионе. Стратег был одновременно военачальником и администратором, символизируя единство военной и гражданской власти.

Канцелярия тем тесно взаимодействовала с церковными структурами, передавая императорские указы и религиозные постановления. Епископы и митрополиты были не только духовными пастырями, но и представителями имперской идеологии. Литургия, проводимая на греческом, включала молитвы за императора и столицу, закрепляя представление о единстве империи и веры. При монастырях и кафедральных соборах действовали школы, где преподавались основы грамматики, риторики, богословия и права в византийской редакции. Через богослужебные книги, иконографию и архитектуру провинции приобщались к столичной культуре.

Национальная политика

Говоря современным языком, Византия была многонациональным государством, с единой имперской идентичностью. Ромеи (греко-римское население) были основным этническим ядром империи, носителями греческого языка и византийской православной культуры. Армяне, сирийцы, копты и ассирийцы были наиболее крупными этническими группами на Востоке, в основном христианами, но принадлежавшими к отдельным конфессиям. Славяне и болгары, в основном - население Балкан, постепенно интегрировались в имперскую систему через христианизацию и административную ассимиляцию. Латиняне и италийцы представляли собой торговые и военные общины, особенно в период крестовых походов и после IV в., чаще выступая как автономные единицы. Готы, фракийцы, аланы, авары, печенег, норманны были народами, с которыми Византия контактировала в разное время как с союзниками, противниками или вассалами.

Сами византийцы себя называли «ромеями», подчеркивая преемственность от Римской империи, а не принадлежность к этнической группе. Национальная идентичность строилась прежде всего вокруг гражданства, православия и языковой общности. Эта концепция была гражданской и религиозной, а не этнической, что позволяло включать разнообразные этносы в единую политическую и культурную общность. Яркий пример

имперской национальной политики - миссионерская деятельность, скажем - просвещение славян святыми Кириллом и Мефодием, служила средством культурной интеграции и распространения византийской цивилизации. Там, где она оказывалась не столь эффективна, использовалась система союза с разными племенами через династические браки, предоставление вассального статуса, участия в армии.

Славяне, варяги, армяне и другие народы активно служили в византийской армии и гвардии. Местные войска и наемники из различных народов обеспечивали оборону границ и участвовали в военных кампаниях. Многие представители армянской, сирийской, коптской и других элит входили в бюрократию, церковь и научные круги. Византийская культура активно впитывала элементы соседних культур. Известны примеры заимствования персидских и арабских традиций в искусстве и науке.

Византия не стремилась к полной ассимиляции, но по началу умело интегрировала разные народы в рамках единой политико-религиозной системы. Крещение новых этнических групп (например, болгар в IX в., сербов в IX–X вв.) было ключевым актом вхождения в византийское культурно-политическое пространство. После крещения местные элиты принимали византийскую титулатуру и придворные обычаи. Сыновей местных правителей приглашали на обучение в Константинополь, где они осваивали греческий язык, римское право и византийский церемониал. Иностранцы включались в армию, особенно в гвардейские части, такие, как варяжская гвардия, армянские и славянские контингенты. Военная присяга включала религиозный элемент - клятву перед крестом и Евангелием, закрепляя лояльность не только императору, но и православной идеологии.

Кризис Византийской идеи

При этом, одно из основных направлений напряженности в интеграционном потенциале византийской идеологии заключалось именно в разнородности этноконфессионального состава империи. Причины кризисов в этом контексте и стремления к автономии или отдельному существованию разных народов в Византийской империи следует рассматривать через призму комплекса политических, религиозных, социально-экономических и культурных факторов, а также изменений в международной конъюнктуре.

Как уже говорилось ранее, Византийская идеология основывалась на универалистском понимании империи как наследницы Рима и центра православного мира. Однако эта модель была гражданско-религиозной, а не этнокультурной, что затрудняло реальное признание и учет культурного и языкового многообразия.

Для многих этнических групп, особенно на периферии, такая модель выглядела навязанной сверху, ограничивающей их собственные национальные традиции и амбиции. Различия в христианских конфессиях (монофизиты в Египте и Сирии, несториане, армяне и др.) порождали религиозные напряжения и конфликты с константинопольской православной церковью. Местные церкви стремились к большей автономии, воспринимая себя как носителей национального самосознания. Религиозные различия часто стали маркером политической и этнической самостоятельности [21]. Различия в языке, традициях и культурных практиках мешали полной ассимиляции. Греческий язык был доминирующим, но на периферии сохранялись армянский, славянские, сирийские, коптские и другие языки. Языковой барьер способствовал развитию этнической идентичности и сопротивлению централизации.

Укрепление местных элит и рост крупного землевладения снижали зависимость от центральной власти. Периферийные аристократы все чаще рассматривали себя не как «ромеев», а как представителей собственных этнических общин. Экономическая автономия территорий способствовала формированию локальной идентичности и усилению сепаратистских настроений.

Усиление внешнего давления, в первую очередь со стороны арабов, сельджуков, кочевых племен и крестоносцев стимулировало формирование локальных центров власти, способных

защищать свои территории и интересы. В некоторых случаях периферийные общины вступали в союз с внешними силами, что подрывало целостность империи и усиливало сепаратизм.

Идея ойкумены предполагала, что Византия – универсальная христианская держава, призванная объединять все народы под властью православного императора. Однако, начиная с XI в., империя теряет обширные территории в Малой Азии и на Балканах. Разрыв между риторикой и действительностью подрывал легитимность власти. Параллельно с этим происходит разложение и государственно-церковных взаимоотношений. Политические конфликты между императором и патриархом, как, скажем, спор Михаила VIII Палеолога и патриарха Арсения показывали, что «гармония» заменяется борьбой за лидерство. Иконоборческий кризис (VIII–IX вв.) впервые радикально расколол единство власти и Церкви, продемонстрировав, что идеологический консенсус не гарантирован. Более того, принятие христианства Болгарией, Сербией и Киевской Русью сначала усилило империю, но вскоре привело к росту самостоятельных национальных церквей. Эти новые православные центры перенимали византийские символы, но уже без подчинения Константинополю. После Великого раскола 1054 г. идея вселенской христианской миссии стала невозможной, так как половина христианского мира считала Константинополь еретическим. Захват столицы крестоносцами в 1204 г. и создание Латинской империи стал символическим крахом византийской универсальности. Если добавить к этому потерю Сирии, Египта и Палестины в VII в., лишившую империю древних христианских центров и дальнейшее давление сельджуков и османов, становится очевидно, что идея императора как «владыки вселенной» постепенно перестала функционировать.

Постепенно начинал назревать конфликт внутри элит империи. Уже упоминались борьба за власть между Михаилом VIII Палеологом и патриархом Арсением II (1265–1268 гг.), а также иконоборческий спор VIII–IX вв. Семейные кланы, как, скажем, Комнины, Ангелы, Палеологи вели постоянную борьбу за императорский трон, что ослабляло государственные институты. Военные аристократы иногда становились оппозиционерами, используя своё влияние в темах для давления на центр. Местная знать и духовенство всё чаще стремились к автономии, противостоя императорской бюрократии. Сепаратистские движения на Балканах, в Малой Азии и на Кипре были во многом поддержаны местными элитами, разочарованными в имперском курсе.

Раскол в элите приводил к ослаблению централизации и к росту фракционной борьбы, что снижало эффективность реализации политической идеологии. Элитарные группы иногда использовали религиозные идеи в собственных интересах, поддерживая либо иконоборцев, либо иконопочитателей, либо разные политические партии, что дезориентировало население. Усиление крупных землевладельцев подрывало традиционную темную систему, сокращая социальную базу имперской идеологии.

Падение Константинополя в 1453 г. ознаменовало крах Византии, однако ему предшествовало не только усиление османской угрозы и потеря стратегических территорий, но и рост феодализации, автономизация локальных элит, рост социального разобщения. Происходила дезориентация идеологии, когда в попытках восстановления имперской идеи власти сталкивались с суровой реальностью потерь и зависимости. Сакральный статус императора все больше подменялся светским и церемониальным характером власти, а упадок административных структур и интеграционных институтов, размыванием единой культурно-религиозной идентичности.

Выводы

Проведённый анализ показывает, что устойчивость и жизнеспособность имперской политической формы, в частности на примере Византии, определяются не только военной и экономической мощью, но, прежде всего, глубиной и целостностью идеологического фундамента. Византийская модель, унаследовавшая универсалистскую идею «вечного Рима» и соединившая её с православной миссией, продемонстрировала высокую интеграционную способность. Ключевыми элементами этого единства стали сакрализация власти, доктрина

«симфонии властей», имперская идентичность, сеть институциональных каналов трансляции идеологии.

Однако в исследовании выявлено, что внутренняя прочность этой конструкции имела пределы. Доминирование греческого языка и православия в их константинопольской редакции порождало отчуждение периферийных народов и церквей, особенно при религиозных расколах. Экономическая и военная самостоятельность периферии постепенно подрывала вертикаль власти. Утрата территорий и кризис симфонии властей снижали доверие к центру. Военные поражения от арабов, сельджуков, крестоносцев и османов ускорили эрозию политической и культурной интеграции.

Таким образом, опыт Византии демонстрирует, что империя как форма цивилизационной организации требует постоянного поддержания баланса между универсальной миссией и уважением к культурному многообразию. Потеря идеологического ядра — будь то в форме религиозного консенсуса или общей политической миссии — неизбежно приводит к ослаблению институциональной системы и, в конечном итоге, к краху политического единства.

Сравнительный анализ исторических империй подтверждает, что именно сохранение и адаптация интегрирующей идеи в условиях внешних вызовов и внутреннего многообразия является ключом к долгосрочной устойчивости многополярных центров силы — как в прошлом, так и в современных международных реалиях.

Литература

1. Августин А. О граде Божием. – М.: Омега-Л, 2021. – 1326 с.
2. Иванов А.В., Попков Ю.В. Меридианы и параллели цивилизаций Евразии // Россия в глобальной политике. – 2025. – Т. 23. – № 4. – С. 152–166.
3. Ильин М.В., Веретевская А.В. Альтернативные подходы к моделированию мировых политических процессов и порядков // Политическая наука. – 2025. – № 1. – С. 16–49.
4. Ливий Т. История Рима от основания города. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
5. Монтескье Ш. Л. О духе законов. – СПб.: Азбука, 2023. – 832 с.
6. Мчедлова М.М. Религия в проектах современности: между алармизмом, политической целесообразностью и утопией // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 2. – С. 50–64. – DOI 10.17976/jpps/2024.02.05.
7. Нефедовский Г.В. Светская и духовная власть в системе «симфонии властей»: от Византии к России // Право и практика. – 2025. № 1. С. 6–12. – DOI 10.24412/2411-2275-2025-1-6-12.
8. Полибий. Всеобщая история. – М.: АСТ, 2004. – 768 с.
9. Сигачев М.И., Харин А.Н., Скакун П.П. Теоретическое и проектное осмысление Российской государственности сквозь призму концепции неоимперии // Тетради по консерватизму. – 2022. – № 2. – С. 287–310. – DOI 10.24030/24092517-2022-0-2-287-310.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
11. Цицерон. О государстве. – М.: Neoclassic, 2022. – 416 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна.: Мысль, 1993. – 663 с.
13. Cameron A. Byzantium and the Roman Tradition // The American Historical Review. – 1980. – N 85(2). – P. 285–307.
14. Dagron G. Empereur et prêtre: Étude sur le “césaropapisme” byzantin. – Paris: Gallimard, 1996.
15. Eusebius. Life of Constantine. Averil, Cameron; Stuart Hall, trans. – Oxford: Clarendon Press, 1999.
16. Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284–602. – Oxford: Blackwell, 1964.
17. Kazhdan A. Byzantine Civilization. In: The Oxford Dictionary of Byzantium. – Oxford: OUP, 1991.
18. Mango C. Byzantium: The Empire of New Rome. – London: Phoenix, 2002.
19. Meyendorff J. Byzantine Theology. – New York: Fordham University Press, 1974.
20. Runciman S. The Great Church in Captivity. – Cambridge: CUP, 1968.

21. Tannous J. The Making of the Medieval Middle East. – Harvard University Press, 2018.
22. Toynbee A.J. A Study of History. – Oxford University Press, 1957. – 552 p.
23. Treadgold W. Byzantium and Its Army, 284–1081. – Stanford: SUP, 1995.

References

1. Avgustin A. O grade Bozhiem [The City of God]. Moscow, Omega-L Publ., 2021, 1326 p. (In Russian).
2. Ivanov A.V., Popkov Yu.V. Meridiany i paralleli tsivilizatsii Evrazii. [Meridians and Parallels of Civilizations of Eurasia]. Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Affairs]. 2025, V. 23, I. 4, pp. 152–166. (In Russian).
3. Ilin M.V., Veretevskaya A.V. Alternativnye podkhody k modelirovaniyu mirovykh politicheskikh protsessov i poryadkov. [Alternative Approaches to Modeling World Political Processes and Orders]. Politicheskaya nauka [Political Science]. 2025, I. 1, pp. 16–49. (In Russian).
4. Livii T. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda [The History of Rome from Its Foundation]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 576 p. (In Russian).
5. Montes'k'e Sh. L. O dukhe zakonov. [The Spirit of Laws]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2023, 832 p. (In Russian).
6. Mchedlova M.M. Religiya v proektakh sovremennosti: mezhdue alarmizmom, politicheskoy tselesoobraznost'yu i utopiey. [Religion in the Projects of Modernity: Between Alarmism, Political Expediency and Utopia]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2024, I. 2, pp. 50–64. DOI: 10.17976/jpps/2024.02.05. (In Russian).
7. Nefedovskiy G.V. Svet'skaya i dukhovnaya vlast' v sisteme «simfonii vlastey»: ot Vizantii k Rossii. [Secular and Spiritual Power in the System of “Symphony of Authorities”: from Byzantium to Russia]. Pravo i praktika [Law and Practice]. 2025, I. 1, pp. 6–12. DOI: 10.24412/2411-2275-2025-1-6-12. (In Russian).
8. Polibii. Vseobshchaya istoriya [The Histories]. Moscow, AST Publ., 2004, 768 p. (In Russian).
9. Sigachev M.I., Kharin A.N., Skakun P.P. Teoreticheskoe i proektnoe osmyslenie Rossiyskoy gosudarstvennosti skvoz' prizmu kontseptsii neoimperii. [Theoretical and Project Conceptualization of Russian Statehood through the Lens of the Neo-Empire Concept]. Tetradi po konservatizmu [Notebooks on Conservatism]. 2022, I. 2, pp. 287–310. DOI: 10.24030/24092517-2022-0-2-287-310. (In Russian).
10. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy. [The Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003, 603 p. (In Russian).
11. Tsitseron. O gosudarstve [On the State]. Moscow, Neoclassic Publ., 2022, 416 p. (In Russian).
12. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii [The Decline of the West. Sketches on the Morphology of World History]. Moscow, Mysl' Publ., 1993, 663 p. (In Russian).
13. Cameron A. Byzantium and the Roman Tradition. The American Historical Review, 1980, V. 85, I. 2, pp. 285–307. (In English).
14. Dagron G. Empereur et prêtre: Étude sur le “césaropapisme” byzantin. Paris: Gallimard, 1996. (In French).
15. Eusebius. Life of Constantine. Averil, Cameron; Stuart Hall, trans. Oxford: Clarendon Press, 1999. (In English).
16. Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284–602. Oxford: Blackwell, 1964. (In English).
17. Kazhdan A. Byzantine Civilization. In: The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford: OUP, 1991. (In English).
18. Mango C. Byzantium: The Empire of New Rome. London: Phoenix, 2002. (In English).
19. Meyendorff J. Byzantine Theology. New York: Fordham University Press, 1974 (In English).
20. Runciman S. The Great Church in Captivity. Cambridge: CUP, 1968. (In English).
21. Tannous J. The Making of the Medieval Middle East. Harvard University Press, 2018. (In English).
22. Toynbee A.J. A Study of History. Oxford University Press, 1957. p. 552. (In English).
23. Treadgold W. Byzantium and Its Army, 284–1081. Stanford: SUP, 1995. (In English).